

Н. Ф. ДУБРОВИН

После Отечественной войны 1812 года. (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты

<Фрагменты>

<...> Едва только русские войска, преследуя Наполеона, вступили в тогдашние Литовские губернии, как граф Огинский¹ явился к императору Александру с предложением принять титул польского короля и дать обещание восстановить Польшу в старинных ее пределах. Опасаясь, что предложение его встретит сильное сопротивление среди русского общества, он советовал государю не обращать на это внимания по ничтожеству общественного мнения в России.

«Не к публике обращаюсь я, — говорил граф Огинский, — не на ее рассмотрение повергаю я план, возможность которого она даже не в состоянии постигнуть. — Я не изменил своих намерений, — отвечал император Александр, — но я хочу прежде выждать окончания борьбы. Как победитель, я восстановлю Польшу, потому что это согласно с моим личным желанием и с выгодами моего государства. Я знаю, что встречу много затруднений, но надеюсь успеть в моем намерении».

Вслед за Огинским явился и князь А. Чарторыйский, круто изменивший свое поведение. Видя успехи Наполеона в начале военных действий, Чарторыйский писал императору Александру, что «ни один поляк не обязан и не имеет никаких уважительных причин жертвовать собою для русского правительства, которое было главным виновником всех несчастий его отечества». Настаивая тогда на увольнении его от русской службы, Чарторыйский предупреждал, что если ему не будет дана отставка, то он все-таки сочтет свои связи с императором разорванными и присоединится к конфедерации. «Что касается чувств привязанности, — писал он, — то если они говорят сильно с одной стороны, то не менее уважительны они и с другой, когда столько старинных друзей, уважаемых родственников и любимое семейство внушают их к себе. К тому же всеми признано, что личные чувства,

как бы они ни были почтенны, всегда и всюду должны уступать чувствам, которыми мы обязаны отечеству». Он писал это в полном убеждении, что победа останется за Наполеоном и что для осуществления своих желаний восстановить Польшу он не будет уже более нуждаться в содействии императора Александра. Но уверенность его не осуществилась: Наполеон потерпел поражение, полчища его были почти истреблены и в декабре русские войска вступили в Вильно. Озадаченный таким оборотом дел, князь Чарторыйский, стараясь забыть прошлое, спрашивал теперь императора Александра, намерен ли он осуществить прежние свои планы относительно Польши? «Покорив поляков оружием, захотите ли покорить их сердца? Желаете ли вы упрочить связь между двумя нациями и установить такой порядок вещей, которого не поколеблют никакие случайности, ибо он обеспечит стремления и благополучия побежденного народа».

Он отправил императору Александру записку о польских делах с указанием, как следовало бы их вести после достигнутых военных успехов; говорилось о том, что государю необходимо совершить что-нибудь великое и прекрасное. По мнению кн. Чарторыйского, обыкновенным завоеванием Польши нельзя удовлетвориться, и это значило бы оставить все по-старому; что восстановление Польши необходимо для России, Англии и для всей Европы.

«В случае, если война будет продолжаться, — говорил Чарторыйский, — надо сделать так, чтобы поляки были готовы отдать свою последнюю копейку и жертвовать своею жизнью для общего дела». Спустя несколько дней он писал императору Александру: «Опасаясь, с одной стороны, внушений континентальных держав: они захотят отклонить вас от мысли, которой они испугаются и которая слишком прекрасна для того, чтобы ее поняли их кабинеты. С другой стороны, опасаясь советов лиц, вас окружающих, которые по разным соображениям, быть может, отнесутся к этому плану враждебно или, ослепленные вашим успехом, забудут, что это — самое выгодное и славное средство его упрочить. Не могу себе представить, чтобы ваше величество, желавши, когда вы не могли, не желали теперь, когда вы можете все, что хотите. Это такие минуты, которые в жизни не повторяются».

Чарторыйский предлагал теперь немедленно прибыть к Александру, чтобы защищать перед ним интересы Польши, опасаясь противодействия со стороны тех лиц, которые в то время окружали государя. «Вся надежда моя, — говорил князь императору Александру, — на ваши собственные чувства; вы должны поступить в этом деле, сообразуясь только с своими намерениями. Соблаговолите вспомнить, государь, что в вашей империи и между лицами, имеющими влияние на ход дел, только вы одни отчасти расположены к полякам. Ваши мысли, ваши

предначертания изменяются значительно, по мере отдаления от вас, теми, кому выпадает на долю исполнять их. От этого-то и происходит крайняя неурядица и непрерывные противоречия во всех мерах, касающихся поляков. В то время как ваше величество желаете успокоить, ободрить, привлечь к себе, — большая часть губернаторов стараются, напротив, озлоблять, отстранять и доводить их до отчаяния. Нельзя ли иметь в главной вашей квартире постоянно какого-нибудь поляка, который был бы, так сказать, адвокатом, представителем своей нации, и которому поручено было бы заведование делами, касающимися его страны? Я мог бы занимать эту должность; но всякий другой депутат, присланный из Вильны, выполнит ее не менее хорошо».

Император Александр понимал, что князь Чарторыйский говорит о губерниях, присоединенных к России от Польши, и отвечал ему с полною откровенностью: «Несмотря на весь блеск моего теперешнего положения, мне предстоит преодолеть огромные трудности для того, чтобы осуществить мои планы относительно вашего отечества. И главная из этих трудностей лежит в общественном мнении России. Образ действий польской армии в наших пределах, разграбление Смоленска, Москвы и вообще целой страны, — все это пробудило старинную ненависть. Не следует забывать, что Литва, Подолия, Волынь считали и считают себя до сих пор русскими областями, и никакая логика в мире не убедит Россию уступить их под владычество иного государя, а не того, который управляет Россией». Несмотря на столь определенный ответ, поляки все еще надеялись воздействием на императора добиться своего. Они окружили его, следовали за ним и призывали к деятельности наиболее выдающихся своих соотечественников.

Письмом от 9 апреля 1814 года Костюшко просил императора Александра «даровать полякам всеобщую амнистию, без всяких ограничений», провозгласить себя королем польским «с свободной конституцией, подходящей к английской конституции», и тогда выражал готовность с честью и преданностью служить родине и «моему монарху». «С особым удовольствием, — писал государь, — отвечаю на ваше письмо. Самые сокровенные желания мои исполнились, и с помощью Всевышнего я надеюсь осуществить возрождение храброй и почтенной нации, к которой вы принадлежите. Я дал в этом торжественную клятву, и благосостояние польского народа всегда было предметом моих забот. Одни лишь политические обстоятельства послужили преградой к осуществлению моих намерений. Ныне препятствия эти уже не существуют, они устранены страшною, но в то же время славною двухлетней войною. Пройдет еще несколько времени, и, при мудром управлении, поляки будут снова иметь отечество и имя, и мне будет отрадно доказать им, что человек, которого они считают

своим врагом, забыв прошедшее, осуществит все их желания. Как отрадно было бы мне иметь вас помощником при этих благотворных трудах. Ваше имя, ваш характер, ваши способности будут мне лучшей поддержкою».

На помощь полякам, окружавшим императора Александра в Вене, явились и польские дамы, как известно, имевшие весьма большое политическое значение в Польше. В сентябре 1814 года они отправили императору адрес, в котором просили восстановить Польшу в прежних ее пределах. «Да простит всепресветлейший император, — писали они — смелость польских женщин, подающих настоящую просьбу. Мы видим в императоре — Тита, Антонина, Карла Великого и покровителя наук. Видя достоинства этих царей соединенными в лице всепресветлейшего императора, мы тем самым просим о ненарушимости нашего королевства. Провидение видимо предназначало вас совершать чрезвычайные подвиги. Среди величайших политических движений и неслыханных побед оно отняло у тебя меч и вручило тебе оливковую ветвь, дабы, шествуя с оною на запад, возратить равновесие Европе. Чудесное и для наших земляков Провидение привело ваше величество на ту стезю, где ты видел их постоянство, верность и твердость до последней минуты при Наполеоне, пока он сам не отпустил их к великодушному императору, дабы сей, освободив своим могуществом другие народы от тягостного жребия, принял и их под свое добродетельное покровительство, которое полагал он для них (т. е. восстановления Польши) единственною и величайшею наградою за их важные услуги. Всепресветлейший император! Сжался над народом, который достоин быть им, никогда не переставал существовать, славился победителями, имел свой край (отечество), своих королей, свято охранял их престол и покой, нес верную помощь чужим народам и веками занимал лучшие страницы в истории. Сей народ, некогда знаменитый, стал ныне скитающийся. Имена наши пропали, главнокомандующий погиб, мы лишились отцов, мужей, братьев, — однако и слабые остатки их возвращаются не иначе, как в блеске славы и с оружием в руках. Сия-то скорбь, самая ужасная для сердец наших, не пройдет, пока ты, государь, благодетель человечества, не осушишь наших слез восстановлением нашего края (отечества). Соверши дело бессмертной славы, которое ты так блистательно начал, и позднейшее потомство станет благословлять тебя. С упованием повергая сию просьбу к подножию престола твоего, всепресветлейший государь, остаемся к отечеству привязанные и великого одного освободителя обожающие польские женщины».

С большим запасом просьб мужчин и женщин и с собственным убеждением, что конституционная форма правления есть наилучшая для государств, император Александр принял участие в Венском

конгрессе. Здесь ему пришлось выдержать упорную борьбу за осуществление своей идеи о восстановлении Польши, со всеми представителями держав и даже иностранцами, находившимися в русской службе. Принц Саксен-Кобургский² называл Польшу странным государством и противился ее объединению. «Все начала, — писал Штейн в записке, поданной императору Александру, — входящие в характер свободной нации: чистота нравов, уважение к человечеству, холодный рассудок, просвещение; все учреждения, долженствующие лежать в основе конституции: среднее сословие, городские и общественные учреждения — им (полякам) неизвестны. Все заставляет опасаться, чтобы свобода, к которой эта нация вовсе не приготовлена, не сделалась бедствием для нее самой, для ее соседей и для державы, с кою она должна остаться неразрывною». Штейн предлагал дать полякам, принадлежащим России, такие политические учреждения, которые обеспечивали бы им участие в самоуправлении, охранили бы их от угнетений, поддержали бы общественное мнение и дали бы пищу их деятельности. Учреждение земских областных чинов в каждой польской провинции послужило бы обеспечению полякам личной свободы, собственности, участию во внутреннем управлении, и подавало бы средства к развитию в народе нравственных и умственных сил.

«Почему же вы, — спрашивал император Александр Штейна, — изъясняя постоянно либеральные идеи, предлагаете мне совершенно противное? — Мне кажется, — отвечал Штейн, — что каждое соображение должно обсуждаться в отношении предмета, к которому предполагается применить его. Опасаюсь, чтобы Польша не сделалась для вас источником неприятностей; ей недостает среднего сословия, охраняющего во всякой образованной стране понятия, нравы и имущество; вместо среднего сословия там видим невежественную буйную шляхту и жидов; подобный же недостаток в среднем сословии затрудняет ваши преобразования в России.

— Это правда, — отвечал государь, — но в герцогстве Варшавском дела идут очень хорошо. — Не совсем... И Наполеон не давал воли полякам. — Я тоже сумею держать их в порядке», — сказал государь.

Граф Каподистрия считал польский народ неспособным к свободе. Он говорил, что весь вопрос о свободе будет относиться к развращенной и развращающейся знати, которой чужды основные понятия справедливости и человеколюбия, которая «шумит о независимости, а между тем без всякого зазрения совести держит под страшным гнетом рабства наибольшую часть населения». «Эта знать, — говорил Каподистрия императору Александру, — по своему своекорыстию, буйству и вековой вражде к России, никогда не оценит ваших жертвований». «Создавать, — писал пророчески Поццо-де-Борго императору Александру, — всеоб-

щие и постоянные интересы против себя есть великая политическая ошибка. Возможно ли предполагать, чтобы ваше величество могли желать чего-нибудь, что противоречило бы интересам вашей нации, которую вы сами же так возвеличили, открыли ей тайну ее могущества и сделали ее господствующею в Европе? Действия России в отношении к Польше были всегда действиями правительства сильного и здорового против правительства слабого и болезненного... Разрушение Польши, как политической державы, составляет почти всю новейшую историю России... Титул короля польского никогда не может симпатизировать титулу императора и самодержца всей России. Эти две квалификации никогда не могут слиться вместе; они означают вещи и предполагают обязанности, до того различные, что один и тот же государь не мог бы соединить их в себе, не возбуждая недовольства в той или другой нации или, быть может, в обеих. Каковы бы ни были вначале мотивы и цели завоеваний, но если раз завоевания совершились и всеми признаны, то сохранение оных есть уже совершенная необходимость, особенно, если, по свойствам и важности этих завоеваний, они входили в систему основной политики государства, завоевавшего страну. Польские владения, присоединенные к России, находятся, по моему мнению, именно в этом положении. Отделить их какою-нибудь минутною мерой, — значило бы подвергнуть весь состав и экономию государства гибельным переменам и возбудить нравственную оппозицию и разделение мнений, весьма вредных и одинаково опасных для обеих наций... Размышляя об этом событии, ум с трудом постигает возможность отделения, одним простым актом, стольких провинций от общей администрации империи для того, чтоб образовать из них фактически независимое государство, которое управлялось бы, по взаимному с ним соглашению, системой свободных учреждений, само вотирировало бы налоги, разрешало бы их употребление и могло бы создать свою армию, между тем как сами завоеватели были бы вынуждены удалиться и присутствовать простыми зрителями при этой революции; трудно постигнуть, каким образом все это может совершиться, без того чтоб отсюда не возникло злоупотреблений со стороны новых отпущенников и негодования в старых подданных. Такой контраст был бы опасен во всяком случае; но опасность эта значительно возрастает вследствие резкого различия, которое установится в положении русских и поляков, с точки зрения конституционной. Первые, сознав свою силу и будучи действительно сильны, будут обречены на положение пассивное, тогда как вторые, будучи слабы и занимая положение сравнительно низшее, будут управляться свободно. Присоедините к этому высокомерие торжествующего тщеславия над величием оскорбленного права, — и картина будет окончена. Легко может быть, что ваше величество, в цвете лет увенчанные

величайшими успехами и во главе Европы, будете в состоянии вашим влиянием и твердостью сдерживать движения, которые могли бы возникнуть против этого нового порядка вещей; но сдерживать не значит погасить, и предполагая интересы и страсти двигателями сих предприятий, зародыши смут будут возрастать непрерывно и будут воспроизводить те же самые действия при каждом из случаев, которые не могут не представиться в ходе дел человеческих... Я слишком далек от меры желать увеличения бедствий поляков ничем не извиняемою жестокостью. Но вопрос не в том, следует ли показать полякам всевозможное добро: каждый честный человек разделяет это желание; истинная задача для государственного ума заключается в комбинации мер, благодетельных для Польши, с общим интересом и безопасностью империи вашего величества. В глубоком убеждении, что предполагаемый поляками план вредит и тому и другому, я высказал здесь свои мнения».

Императору Александру и его преемникам скоро пришлось сознать справедливость мнения Поццо-де-Борго; но во время Венского конгресса разубедить его было невозможно. «Коль скоро, — говорила графиня Эделинг, — какое-нибудь мнение засело у него в голове, он его держался с неодолимым упрямством». Это упрямство, подкрепляемое советами и просьбами поляков, в особенности настояниям князя Чарторыйского, вызвало упорную борьбу императора со всеми представителями европейских держав на Венском конгрессе, борьбу, едва не приведшую Александра к дуэли с князем Меттернихом. «Император Александр, — писал князь Чарторыйский, — дурно окружен своими, тревожимый чужими, держится, однако, непреклонно. Все кабинеты соединились против него, и никто не возвышает голоса в нашу пользу. Русские изрыгают свое неудовольствие и порицают императора. Иностранцы и русские ревут в одном согласном концерте. Они достаивают меня своею ненавистью, выставляя меня заступником нашего дела и ближайшим советником императора. Несмотря на это исступление, я надеюсь довести дело до изрядного исхода». Исход этот, с польской точки зрения, оказался не совсем удачным.

По трактату, заключенному и подписанному 21 апреля 1815 года между Россией, Австрией и Пруссией, только Варшавское герцогство было навсегда присоединено к России, Александр принял титул короля польского и предоставил себе право даровать новому государству то внутреннее расширение, которое признает во благо. «Вообще же полякам, как российским, так австрийским и прусским подданным, предположено было даровать народное представительство и национальные государственные учреждения, согласные с образом политического существования, который каждым из правительств будет признан полезнейшим и приличнейшим для него в кругу его

владений». Итак, заветные мечты императора Александра осуществились, хотя и не в тех пределах, как он того желал. Тем не менее государь был так доволен, что еще за три дня до подписания договора писал, 18 апреля, президенту варшавского Сената графу Островскому: «С особенным удовольствием извещаю вас о том, что участь вашего отечества, наконец, определена соглашением всех держав, собравшихся на конгрессе. Приняв титул короля польского, я хотел удовлетворить желаниям нации. Королевство Польское будет соединено с Российской империей узами собственной его конституции, на которой я желаю основать счастье страны. Если великий интерес соблюдения общего спокойствия не позволил соединить всех поляков под одним скипетром, то я по крайней мере старался смягчить, насколько возможно, суровость их разъединения и доставить им повсеместно мирное пользование их национальностью. Прежде, нежели выполнение остающихся формальностей позволит обстоятельно обнародовать все статьи, касающиеся окончательного устройства дел Польши, я желал вас первого известить сам о содержании этих мер, причем я разрешаю вам с сущностью этого письма ознакомить ваших соотечественников. Примите уверения в искреннем моем уважении. Александр».

Письмо это было объявлено в Варшаве 9 (21) мая 1815 года, а четыре дня спустя, и именно 13 (25) мая, утверждены Основные начала польской конституции, подписанные кроме императора Александра, Ланским, князем Адамом Чарторыйским, Новосильцовым, Фомою Вавржецким³, князем Ксаверием Друцким-Любецким⁴ и государственным референтом Шанявским⁵. Составление же подробной конституции было поручено особому комитету под председательством графа Островского. Основы конституции были отправлены в Варшаву при следующем манифесте от 13 (25) мая, на польском языке, который мы приводим здесь в переводе на русский язык.

«Мы, Александр I, Божеею милостию Самодержец всея России, Король Польский и пр. и пр. и пр. Война, начатая для порабощения мира и перенесенная в наше отечество, привела победоносную Россию и Европу к воротам Парижа. С этой минуты мы имели справедливую надежду, что увидим независимость народов, утвержденную на основах справедливости, умеренности и либеральности, что военный деспотизм будет вычеркнут народами из книги законов гражданских и политических. Конгресс в Вене был созван для выполнения этих надежд и предоставления благоденствия прочного мира всем народам, перенесшим тяжесть стольких бедствий. Но для достижения столь благодетельного намерения необходимо, чтобы каждый народ подчинил свои интересы и права интересам всей Европы и готов был принести новые жертвы для общего блага. В виду этих высших предначертаний,

принято решение о судьбе польского народа. Забота о собственном благосостоянии побуждает народы к защите общего дела. А дело идет о допущении поляков в среду народов, в обеспечении им свободного пользования благами нравственными и политическими, которые составляют драгоценное наследство и постоянное стремление цивилизованных народов. Но, работая над возрождением нового начала в системе европейских государств, нельзя было дела польские вести отдельно. Счастье каждого народа отдельно и благо общее не допускали решения, могущего вредить общей безопасности и равновесию. Благоразумная политика, уроки прошлого и самая религия, указывавшая нам на долгие страдания народа, возлагали на нас святую обязанность, чтобы мы, не щадя никакой жертвы, обеспечили свету мир и охранили Европу от новых бедствий. Поляки! Нам приятно ценить благородство ваших чувств и неизменность стремлений, никогда не имевших других целей, как только возрождение отечества, которое вы любите более всего. Горячность ваших желаний часто отдаляла вас от предпринятого спасительного намерения и бросала на дорогу, не приводившую к нему. Но минули ошибки и неизбежные от них бедствия. Нами всегда руководило великодушие даже для виновных, прощение, искреннее забвение прошлого и желание уничтожить самые следы ваших страданий, даруя действительное счастье. Условия заключенного в Вене трактата обеспечивают ваш народный быт и многие преимущества, которыми будете пользоваться, переходя под нашу державу.

Поляки! Новые связи будут соединять вас навсегда с народом великодушным, который, по старым родственным связям с вами, по своему геройству, достойному равняться с вашим, по славному и общему названию славянского народа, охотно войдет с вами в братские сношения. Конституция и неизменный союз соединят вас с судьбами монархии, которая слишком велика, чтобы желать увеличения, и не может держаться иных правил, кроме имеющих в основе справедливость и свободу. С этих пор ваш патриотизм, наученный опытностью, направляемый благодарностью, найдет в народных учреждениях цель, способную захватить всю его деятельность. Конституция применена к местным потребностям вашего края и к вашему характеру; сохранение языка, пополнение общественных должностей, полная свобода торговли, легкость сношений с областями, оставшимися под чужим господством, народное войско, — одним словом, вам открыты все пути для прогрессивного увеличения ваших прав, возрастания вашей промышленности и распространения просвещения между вами. Таковы преимущества, которыми вы будете пользоваться под державой вашей и наших наследников; из этих преимуществ составитя то вечное наследство, которое вы завещаете вашим потомкам.

Это новое государство есть Королевство Польское. Имя столь желанное, давно уже призываемое всеми вашими желаниями и всеми усилиями, и за которое вы пролили столько крови. Для избежания затруднений, явившихся из-за обладания Краковом, мы подали мысль, чтобы этот город остался свободным и нейтральным. Область его будет находиться под охраной трех дружеских государств, познает счастье мира, посвятит себя науке, искусству и торговле. Она станет памятником великой по мысли политики, памятником, поставленным в том самом городе, над которым парят воспоминания о славных старых польских деяниях и где починут останки ваших лучших королей. Наконец, чтобы увенчать дело, встретившее столько препятствий, решено, чтобы народность ваших братьев, остающихся в подданстве Австрии и Пруссии, была предоставлена опеке и гарантии настоящих правительств.

Поляки! не было другого способа обеспечить ваше народное благосостояние. Нужно было сохранить вам родину, которая не могла бы более делаться поводом зависти, беспокойства соседей и поводом войны для Европы. Таковы были намерения друзей человечества и самих же поляков; так советовала просвещенная политика. На основе торжественных условий европейского конгресса, собравшегося в Вене, и по силе акта уступки его величества короля Саксонского, принимаем в вечное владение провинции бывшего княжества Варшавского, которые нами получены по силе трактатов. Учреждаемое временное правление состоит из лиц, нами уполномоченных, дабы без потрясений привести народ к прочному порядку вещей и к конституционным основам, создаваемым при вашем же собственном содействии. Наместники наши объяснят вам все выгоды, обеспечиваемые вам Венским трактатом, и те, которые явятся для вас при конституционном союзе с нашим государством. Этот союз утвердит за вами ваши права, ваше предназначение и ваши обязанности. Призываем все классы жителей, призываем войско и чиновников к выполнению присяги на верность, которая будет залогом нашего вечного посвящения народу и наших отеческих о нем попечений. Первой нашей заботой будет облегчение гнетущих тяжестей, обрушившихся на ваше отечество в несчастные времена. Не тайна для нас их обширность, и мы с сожалением взирали до сих пор на невозможность их уничтожения.

Поляки! пусть знаменательная эпоха в изменении вашей судьбы упрочит навсегда ваши желания, ваши надежды и ваши чувства. Стремление к славе нашего государства и непоколебимое доверие к нашим желаниям да послужат к счастью нового вашего быта и сделают вас достойными постепенного улучшения вашей будущности».

В Основах конституции было сказано, что польские провинции присоединены к России под отдельным названием Королевства

Польского, будут всегда находиться под скипетром этого государства и получать народную конституцию, в основу которой лягут: «Порядок, справедливость и свобода». Королевству дарована свобода печати, национальное войско, которое сохраняет свое обмундирование и цвета, содержится на счет государства, обязано защищать границы Польского королевства и может быть употреблено только в Европе. В статье 37-й Основ конституции было сказано: «Великая конституционная хартия, даруемая народу нашего Королевства Польского, должна считаться навсегда за самую действительную и священную связь, которою это королевство неозвратно и на вечные времена соединяется с государством Всероссийским, как в особе нашей, так и всех наших наследников и преемников. Сущность настоящего акта достаточно выказывает благодетельность наших намерений относительно жителей королевства Польского. Выраженные здесь основы получают впоследствии развитие в отдельных учреждениях. Возлагаем наши упования на привязанность и верность наших новых подданных и надеемся, что, следуя нашему примеру и посвящая себя своей родине, они облегчат нам возможность возвеличить и упрочить ее счастье».

Верховная власть принадлежала королю, но за его отсутствием управление страной поручалось наместнику, или из членов императорского дома, или из коренных, или натурализованных поляков. Нет сомнения, что император Александр готовил это место цесаревичу Константину Павловичу, но обстоятельства случились иначе.

Поляков, писал князь Чарторыйский, «особенно пугает великий князь Константин Павлович. Они опасаются, что никакая конституция не предохранит их от насилий преемника Александра 1-го».

Вместе с манифестом отправлен был из Вены в Варшаву князь Чарторыйский, с поручением занять место в верховном временном совете, учрежденном для управления царством Польским. «В то время, — писал ему император 13 (25) мая, — которое вы провели близ меня, вы имели случай ознакомиться с моими намерениями относительно учреждений, которые я хочу установить в Польше, и улучшений, которые я желаю ввести в этой стране. Вы постараетесь никогда не терять их из виду при совещаниях совета и обращать на них внимание наших товарищей для того, чтобы ход правительства и реформы, которые ему поручено произвести, были согласны с моими воззрениями. Вы не упустите, если в том представится нужда, принять на себя инициативу для ускорения результатов и представлять проекты, сообразные с принятой системою. Так как вам не менее известен мой взгляд на дух, в коем должен производиться выбор разных чиновников, то вы не преминете смотреть за тем, чтобы он был направлен в этом смысле. В стране, столь давно колеблемой всякими

беспорядками и переворотами, в высшей степени важно действовать последовательно и обдуманно. Вот что я хотел еще раз напомнить вам этими строками, которые я позволяю вам даже показывать, для того чтобы придать более весу тому, что вам придется говорить для исполнения моих намерений».

Имея в руках такой рескрипт, Чарторыйский ехал полным распорядителем и первенствующим деятелем. По прибытии в Варшаву, он вместе с советом составил «обряд празднования», и 8 (20) июня происходило торжество восстановления Польского королевства. В речи, произнесенной перед присягой, Вавржецкий между прочим говорил: «В истории всех веков нет примера, чтобы один монарх излил столько благодеяний на народ, который против него вел войну и никакой не оказал еще услуги. Мы только начнем свое служение тогда, когда с искренностью сердца достойно будем ценить сие соединение с верностью исполнять священные обязанности союза. Усовершенствованный науками и опытами разум покажет россиянам, что они, предавши забвению прежние недоброхотства, должны являть новым братьям своим родственную приязнь и помощь. Но тот же разум и поляков убедить должен, что они не иначе могут обрести отдых, безопасность и общественное благополучие, как только под щитом превозмогающей силы своих братьев».

Всепресветлейший император и царь приобрел законное право на глубочайшую признательность поляков и на совершенную их преданность. Наконец наступила пора пробудить старинные добродетели народные, равно как и обычаи, влиянием иноплеменных искаженные! Пора военную храбрость соединить с благоразумием и гражданскими доблестями, основать будущее счастье на благочестии, общественных добродетелях и на горячей любви к отечеству.

Вся Европа взирает на новое Царство Польское. В ней находятся многие поступков наших наблюдатели, строгие и недоброжелательные. Мы должны прилежно смотреть за своим поведением. Таким образом, с Божиею помощью, опровергнем и упреки и предсказания злобных иноплеменников, оправдаем безмерное великодушие всемиловитивейшего императора, царя польского и не только не лишимся выгодного мнения Европы, но даже понудим ее уважать и прославлять нынешнее наше восстановление».

В тот же день, после присяги, дан был во дворце обеденный стол, а в театре спектакль бесплатно. На следующий день, 9 (21) числа, в том же дворце был бал, и оба дня весь город иллюминирован. Многочисленные транспаранты «изображали благодарность жителей».

«Нельзя описать радостных восклицаний подданных вашего императорского и царского величества,— сказано в донесении временного

правительствующего сената, — равно как о той благодарности, которую видеть можно было на лице каждого. Спокойствие и благопристойность, с каковыми со стороны народа празднуемо было двухдневное сие торжество, превосходит всякую похвалу».

Со своей стороны, князь Чарторыйский говорил, что «общее впечатление было таковым, какого только можно желать: безграничная благодарность за толикие благодеяния, на которые уже перестали надеяться, и чувства преданности, запечатлевающие обет верности в сердцах ваших новых подданных. Те, которые в этой стране присутствовали при столь многих прежних церемониях, заметили, что эта имела иной характер, — нечто спокойное и искреннее, ничего театрального и поддельного. Словно эта нация, после стольких страданий, не имела более сил предаться безумной радости; глубокое умиление и разумное убеждение выражались на всех лицах и составили разительную характеристику этого дня. Основы конституции в особенности увлекли все сердца; но они были необходимы, чтобы привести это действие после долгого ожидания часто обманутых надежд».

При этом князь Чарторыйский самонадеянно выразился, что воспоминание об этом дне должно быть наградой императору Александру за его труды на благо человечества. Как ни резко было это выражение, но Александр принял его и употребил в ответе на адрес, прочитанный графом Замойским. «Я очень тронут, — сказал государь, — чувствами польского народа, вами переданными. Уверьте его моим именем, что мною руководит желание возвратить ему существование. Соединяя его с народом одного с ним происхождения — славянского, я упрочиваю его благосостояние и спокойствие: видеть его счастливым считаю лучшею себе наградой. Счастье — вещь относительная: оно слагается и зависит от взглядов и требований». Поляки желали гораздо большего, чем получили. Они ненавидели русских, не желали соединения с ними и употребляли все меры, чтобы удалить их из края. По высочайшему повелению, все русские чиновники, находившиеся на службе в бывшем герцогстве Варшавском, в званиях областных и окружных начальников, с 15 (27) июля 1815 г. были уволены, снабжены прогонными деньгами и отправлены в Петербург; оставлено только 10 человек при канцелярии председателя правительствующего совета и из бывших окружных начальников 19 человек, переименованных в чиновников разных поручений. Заместив русских чиновников своими сторонниками, князь Чарторыйский употребил все меры к тому, чтобы удалить и великого князя Константина Павловича, командовавшего русскими и польскими войсками и находившегося в Варшаве. Чарторыйский писал императору Александру, что присутствие великого князя делает невозможным всякий контроль, всякий порядок. Связь, которая

должна существовать между гражданским управлением и военным, не существует, и установить ее при русском великом князе будет весьма трудно; что этому причиною независимость военной власти, с которою правительство не в силах бороться. Он писал, что великий князь арестовывает офицеров, обращается с ними сурово, отдает их без вины под суд и даже арестовал председателя города Варшавы; что он предписывает правительству вызывать к нему на суд гражданских чиновников, подпрефектов, старост и тому подобное. «Никакое усердие, никакая покорность не могут его смягчить. Он, по-видимому, возненавидел эту страну и все, что в ней происходит, и эта ненависть возрастает с пугающею быстротою. Это предмет его ежедневных разговоров со всеми. Армия, нация, частные лица, ничто не находит милости в его глазах. Конституция, в особенности, подает ему повод к беспрестанным насмешкам; все, что есть правило, форма, закон, подвергается глумлению и брани, и, к несчастью, действия уже последовали за словами. Великий князь не держится даже военных законов, которые он сам утвердил. Он непременно хочет ввести телесные наказания и вчера приказал пустить их в ход, несмотря на единогласные представления комитета. Дезертирство, уже теперь значительное, делается всеобщим; в сентябре большинство офицеров попросит увольнения.

Словно составлен план для того, чтобы противодействовать видам вашего величества, чтобы сделать ваши благодеяния мнимыми, чтобы в самом начале предотвратить успех вашего предприятия. Его высочество в таком случае был бы, сам того не ведая, слепым орудием этого пагубного замысла, первым действием коего было бы ожесточить в равной степени и русских, и поляков и отнять всякую силу у самых торжественных изречений вашего величества. По-видимому, нельзя сомневаться в том, что некоторые приближенные великого князя, как явные, так и тайные, много содействуют поддержанию его мрачного и гневного настроения. Чего бы не дал я для того, чтобы здесь успели угодить великому князю и исполнить в этом отношении желание вашего величества. Но это решительно невозможно, и если он здесь останется, я предвижу, напротив того, самые печальные последствия.

Государь! время не терпит, и каждый час может принести с собою столкновение, катастрофу, при мысли о коей я содрогаюсь. Великий князь, по-видимому, не хочет соблюдать никакой осторожности, словно он желает довести дело до разрыва. Никакой враг не мог бы повредить более вашему величеству»...

Князь Чарторыйский просил государя предоставить великому князю только звание главнокомандующего войсками, а не правителя и судьи. Но и это он считал не вполне удобным, так как великий князь отдал приказ, по которому он считал себя вправе подвергнуть

суду военного совета любое лицо, и суд должен происходить, как он повелит. Князь Чарторыйский настоятельно просил об удалении великого князя и с ним вместе всех остальных русских чиновников.

«Хотя без сомнения, — писал он, — впоследствии многие русские чиновники могут найти места в стране, однако в настоящую минуту не могу скрыть от вашего императорского и царского величества, что вся страна ожидает, и нетерпеливо ожидает, того дня, когда, согласно с основами конституции, все без изъятия русские чиновники покинут страну. Лишь с этого дня страна будет считать действительное свое существование; пока их видят здесь, не считают себя избавленными от ферулы, которая все-таки дает себя чувствовать».

«Армия все еще надеется на отозвание великого князя, — писал он в другом письме. — Лишь в этой надежде и от боязни, чтобы их побуждения не были представлены вашему величеству в ложном свете, они (офицеры) еще остаются на службе. Я недавно узнал достоверно, что в Петербурге составилось, по большей части из военных, общество, главная цель коего состоит в том, чтобы противодействовать благодетельным намерениям вашего величества относительно Польши. Общество это выслало сюда своих представителей, и, по-видимому, великий князь действовал и действует под их влиянием, причем им главным образом руководствует желание популярности. Это общество уже приготовило увещание (?) относительно Польши, которое собиралось послать вашему величеству. Война, возникшая между тем и занявшая этих крамольников, и советы некоторых благоразумных людей помешали исполнению этого намерения».

Нет надобности говорить, что в донесениях князя Чарторыйского было много ложного и преувеличенного. При всей строптивости характера великого князя Константина Павловича, надо помнить, что кн. Чарторыйский мечтал если не о польской короне, то почти был уверен в том, что будет наместником, и тогда присутствие великого князя было бы для него, конечно, неудобно. Император Александр придал письмам князя Чарторыйского то значение, которое они должны были иметь, и несколько месяцев спустя поступил с ними так, как он не ожидал. Между тем в действительности поляки приняли манифест и основы конституции холодно и были недовольны тем, что Польша осталась разделенною между тремя государствами: Россией, Пруссией и Австрией.

«Всемиловнейший государь! — писал В. С. Ланской⁶. — Бывшего сената герцогства Варшавского президент Островский объявил публичке повеление к нему вашего величества об участии герцогства. Хотя полагаю, что доведено уже до сведения вашего императорского величества, как принято сие объявление, но вменяю в обязанность с своей

стороны донести вашему величеству, что оно не произвело того влияния, какого ожидать было можно от народа более чувствительного.

Причиною есть следующее. Более уже года, хотя не совершенно, но известно было настоящее событие; но все сие время непрестанно было толковано, каким образом восстановится существование Польши. Всеобщее желание частью искренно, частью притворно-запальчивое, но имеющее одну и ту же цель, чтобы быть Польше владением отдельным и в том же пространстве, в каком было оно прежде разделения, так помрачило некоторые умы, что вместо довлеемой признательности к беспримерным благотворениям вашего императорского величества, оказываемым сей нации, вместо покорного благодарения за высокое в судьбе ее участие, наконец, вместо того чтобы чувствовать, чтобы превозноситься снисхождением, с которым ваше императорское величество предпринимали, как известно было, осчастливить их принятием титула короля, они (подстрекаемые свойственною некоторым кичливостью, что по твердости духа, по храбрости и другим мнимым достоинствам они единственны) наполнились мечтанием, что восстановление Польши по-прежнему королевством быть должно, и так решительно определили сие, как бы были вправе того требовать.

Обольщенные таковым заблуждением казались быть доброхотнее для нас, нежели когда-нибудь; но теперь сие прельщение исчезло, и холодность, особенно, как говорят, через отделение некоторых частей герцогства к Пруссии и Австрии, становится приметною до такой опрометчивости, что объявление титула короля и уверение в будущем конституционном правлении принимаются не за милость, но за опасение последствий от беглеца из Эльбы. Я уверен в душе моей, что приверженность некоторых, а особливо военных, к врагу Европы не угаснет и ничто не обратит к нам их расположение. Туда манят их: прелести грабежа, там господствует дерзкая вольность, там ни за какое бесчиние нет ответственности; здесь: порядок, чинопочитание, повиновение повелениям, точность в исполнении их и ответствение за преступление правил службы и даже правил добродетели.

Государь! Простите русскому, открывшему перед тобою чувства свои и осмеливающемуся еще изъяснить, что благосердие твое и все усилия наши не могут быть сильны сблизить к нам народ и вообще войско польское, коего прежнее буйное поведение и сообразные оному наклонности противны священным нашим правилам, и потому если я не ошибаюсь, то в формируемом войске питаем мы змия, готового всегда излить на нас яд свой. Более не смею говорить о сем и как сын отечества, как верный подданный вашему императорскому величеству не имею другой цели в сем донесении, кроме искреннего уверения, что ни в каком случае считать на поляков не можно».

Бегство Наполеона с острова Эльбы и появление его во Франции подало полякам надежду на поправление их обстоятельств, и они готовы были принять его сторону. «По достоверным сведениям, — сказано в письме из Дрездена от 9 апреля 1815 года, — поляки продолжают состоять с Наполеоном в тайных сношениях. Переписка по сему предмету ходит через генерала Паца, находящегося в Дрездене, и князя Любомирского, брат которого служит во французской гвардии и оказывается очень деятельным; уже два раза сделал поездки на остров Эльбу и ныне в апреле месяце отправится из Польши к Наполеону во Францию». «По всем донесениям высшей полиции, — писал Д. Курута⁷ И. И. Дибичу, — дух поляков и разум их ни мало не улучшается, а напротив того, приверженность их к Наполеону более и более увеличивается и расплывается. Молчание в политических происшествиях, происходящее единственно от прекращения сообщения с Францией, приписывают его успехам внутреннего распорядка и уверяют себя, что (он) вскоре будет торжествовать и поставит себя на прежнюю степень могущества. В ежечасных между ними собраниях приятнейший предмет их разговоров есть Наполеон.

Граф Ожаровский, с некоторым числом благомыслящих чиновников, старается всеми средствами вперить в них и уразумить, что истинное их блаженство основано на непреложных и милостивых правилах нашего государя и что благополучие свое должны основать на благости его величества. Дай Бог, чтобы в сем намерении последовал желаемый успех». «По получении здесь, — писал управляющий Волынской губернией, — известия, что государю императору благоугодно было принять на себя титул польского короля, совсем не приметно того энтузиазма, какого ожидать было должно по прежним рассуждениям поляков о восстановлении Польского королевства. Я замечаю, что им не нравится назначенное присоединение герцогства Варшавского к Российской империи, ибо они надеялись, что присоединенные прежде от польского края губернии составят с Варшавским королевство, под особым управлением. Когда же перед сим получено было известие о побеге Наполеона с острова Эльбы, то приметна была радость многих, и я думаю, что некоторые, при нынешних обстоятельствах, питают еще прежнюю на Бонапарта надежду». Узнав об этом донесении губернатора Комбурлея⁸ и опасаясь от того дурных последствий, волынское дворянство спешило под защиту своего сторонника и покровителя сенатора Сиверса⁹, ревизовавшего в то время губернию. «Оседлав» его, дворянство просило сенатора убедить императора Александра в их преданности и заявить, что оно видит в нем короля польского. На самом же деле Комбурлей был прав.

По ежедневно собираемым сведениям оказывалось, что поляки оставались по-прежнему приверженными Наполеону, выдумывали

и распускали разные слухи в его пользу. Недовольные тем, что пруссаки занимали Познань, поляки сочинили остроу: «Родилось в Польше дитя без познания» (*Urodzilosz sie w Polsce Dziecko bez poznania*). В Варшаве ходила по рукам записка, что Польское королевство будет заключать в себе одиннадцать провинций и что к нему будет присоединена Литва. Об этом хлопотали многие, в том числе и Костюшко. «Государь! — писал он Александру 13 июня 1815 года. — Князь Чарторыйский сообщил мне о всех благодеяниях, которые ваше императорское и королевское величество приуготовляете для польского народа. Никакие слова не могут выразить моей благодарности и удивления; одна лишь забота тревожит меня еще, отравляя мою радость. Я уроженец Литвы, государь, и мне остается жить недолго, а между тем будущее моей родины и многих частей моего отечества покрыто еще мраком неизвестности. Я не забыл тех великодушных обещаний, которые ваше императорское и королевское величество соблаговолили лично высказать по этому поводу мне и некоторым из моих соотечественников, и я никогда не осмелюсь усомниться в действительности этих священных слов, но мысль, напуганная столь продолжительными несчастиями, жаждет постоянно быть вновь успокоенной. Я не осмелюсь никогда торопить выполнением ваших великих предначертаний; я свято буду хранить эти мысли в тайне и лишь с именного разрешения вашего величества воспользуюсь этой священной тайной».

Не получив ответа на это письмо, Костюшко писал князю Чарторыйскому: «Я не намерен действовать, оставаясь в неизвестности относительно страны и руководствуясь только надеждами. Интерес отечества я соединил с царским; отделять его в моей душе я признаю невозможным. Я посвятил жизнь большей части отечества, если невозможно служить всей стране, но не самой малой части, которую высокопарно назвали царством Польским.

Воздадим благодарность и сохраним вечную признательность императору за воскресение уже потерянного польского имени; однако не одно имя составляет народ, но территория с народонаселением. Обещание, данное императором мне и многим другим относительно возвращения нашего отечества по Двину и Днепр, — давних границ Польского королевства, не представляет другой гарантии, кроме наших желаний. Действительное исполнение этого обещания доставило бы нам большее уважение, равно как и значение, и постоянную дружбу с русскими, а пользуясь либеральной и совершенно отдельной конституцией, как мы о том часто беседовали между собою, поляки были бы счастливы находиться с русскими под скипетром такого великого монарха. Судя по ходу дел, с самого начала русские занимают совместно с нами первые государственные должности;

не подлежит сомнению, что это не может возбудить среди поляков большого доверия; напротив того, каждый со страхом придет к тому заключению, что со временем польское имя подвергнется презрению и что русские будут обращаться с нами, как с покоренным народом, потому что такая незначительная горсть народонаселения никогда не в состоянии защитить себя от перевеса и насилия русских интриг.

Следует ли нам молчать об остальных наших братьях, находящихся под русскою властью? Сердце наше трепещет и печалится, что они не соединены с прочими. Где же находятся те 11 или 10 миллионов людей, которые, согласно священным словам самого императора, должны составлять царство Польское, и которые, подобно Венгерскому королевству, при отдельной конституции и с собственными законами, должны были соединиться с империею под одним скипетром?

Я отделяю чувствительное сердце, полное человеколюбия, и душу, преисполненную великодушием, готовую на добро, — ни с кем несравнимого великого Александра — от исполнительного кабинета. Я лично буду ему по гроб благодарен за воскресение польского имени. Полякам будет оказано добро, хотя и в стесненных границах. Пусть Провидение направляет вас, я же еду в Швейцарию, не имея возможности с успехом служить моему отечеству. Ты знаешь, что душою и сердцем я желал содействовать общему благу».

Он уехал неудовлетворенный в своих желаниях, и ему, как и многим из его соотечественников, оставалось верить ходячим слухам, что Наполеон, утвердившись вторично во Франции, прибудет в Польшу и восстановит ее в старинных пределах. В ожидании этого, поляки относились неприязненно ко всему русскому. «Русские тут хуже животных, — писал граф Булгарин Михайловскому-Данилевскому, — и целая армия, на Волыни расположенная, свидетельствовать о том может. Русские законы в пренебрежении, и самоуправие торжествует».

Имя Наполеона производило магическое действие на поляков, несмотря на то что он постоянно разорял их и заставлял проливать кровь для своих целей, тогда как Александр простил их измену, благотворил им и осыпал своими милостями еще до присоединения Варшавского герцогства к России. «С того самого времени, — писал государь тайному советнику С. Ланскому, — как верховный совет довел до сведения моего различные недостатки по герцогству Варшавскому, я обратил внимание на доставление возможных выгод краю сему, несколько уже лет разоряемому и оставленному наконец правительством, как скоро победоносные войска наши приближались. Тогда же положил поддержать упадок герцогства, лишеного способов к существованию.

Таким образом, соединив в Верховном совете все части управления герцогством и назначив членами оного природных поляков, дал

надлежащий ход делам и способ снискивать обиженным правосудие под защиту своих соотчичей. Учреждением лучшего полицейского надзора уважил личную безопасность каждого жителя; разрушением привоза иностранных товаров возобновил торговлю, вовсе уже не существовавшую; уничтожил сбор мяса и вина на продовольствие войск, в герцогстве расположенных; утвердил положение Совета: об обеспечении Варшавского края солью, о почтовом сообщении, о выпуске за границу железной руды, с платежом прежней пошлины, до 1811 года бывшей. Напоследок предоставил совету сделать положение и по наряду обывательских подвод для воинских надобностей, которое равномерно послужило бы к облегчению обывателей».

Идя далее по пути благотворения герцогству, император Александр повелел Ланскому: 1) уничтожить многие подати на сумму до 8 миллионов злотых, 2) облегчить жителей относительно содержания госпиталей, 3) разрешить выпуск из России в герцогство всего того, что вывозилось до начатия войны, 4) сделать распоряжение, чтобы войска и команды, следуя только по военным дорогам, не имели постоев по другим путям и не отягощали бы жителей, 5) принимаемые от населения припасы для войск зачитать в число денежных податей и проч. Сверх того, император Александр повелел графу Н. И. Салтыкову отправить в распоряжение председателя временного верховного совета Ланского 4 миллиона рублей на нужды администрации, приказал выдать на удовлетворение жалованьем польских войск сначала 400 тысяч злотых, а потом 2 127 245 руб.

Такая щедрость вызвала со стороны графа Аракчеева представление записки, в которой он писал: «Высылка больших денежных сумм в герцогство Варшавское делает в государстве нашем ощутительный упадок внутреннего курса наших ассигнаций и весьма требует благо-разумного размышления, без чего во всех частях сделаться может замешательство; почему необходимо нужным считаю приказать в герцогстве Варшавском верховному совету немедленно заняться соображением и приисканием собственных способов для формирования и содержания войск». Графу Аракчееву было сообщено, что сумма на польские войска дается заимообразно от министра финансов, доколе решена будет участь герцогства и доходы его придут в порядок. Поляки не ценили великодушия к ним императора Александра и смотрели на его благодеяния как на нечто должное. Заявляя о своем убожестве, безденежье и всеобщем разорении, они вместе с тем просили о восстановлении на русские деньги театра в Варшаве. На этой просьбе император Александр написал: «Денег не имеют на необходимые предметы, а хотят тратить на веселие». Тем не менее, переговоривши с князем Чарторыйским, государь приказал удовлетворить и эту просьбу, хотя и сознавал, что все

сделанное им не оценится поляками. Поэтому не с особенно хорошим расположением духа государь отправился в свое новое царство. Там он увидел, однако же, все наружные признаки радостной встречи.

31 октября император в польском мундире и с орденом Белого Орла въехал в Варшаву верхом среди польских войск и окруженный сановниками государства. Народ с наружным восторгом приветствовал короля, старавшегося очаровать всех своею любезностию. Заметив в окне мать князя Чарторыйского, Александр приветствовал ее поклоном, вызвавшим восторг и слезы. Существование Польши, короля польского в национальном мундире, казалось ей сновидением: «Слезы полились из моих глаз, — записала княгиня в своем дневнике; — у меня есть родина, и я оставлю ее своим детям». Поселившись в королевском замке, Александр употреблял все средства, чтобы обольстить поляков. На балах, на праздниках он был всегда изысканно любезен, носил польский мундир и орден и удостаивал своим посещением знатнейших лиц. Награды и всякого рода милости сыпались щедрою рукою: назначено несколько генерал- и флигель-адъютантов, розданы русские ордена и денежные вспомоществования; пожалованы многие девицы во фрейлины. С имений тех поляков, которые служили под знаменами Наполеона, снято запрещение, и милость эта распространена на уроженцев западных губерний России. Представителями последних были в Варшаве граф Огинский и депутаты от трех губерний: Виленской, Гродненской и Минской. В продолжительной беседе наедине с графом Александр дал ему много обещаний. Он говорил о твердости данного им слова, о тех громадных затруднениях, которые пришлось ему побороть, чтобы достигнуть восстановления Польского королевства, обещал сделать то же и для Литвы, но только просил не торопиться и иметь к нему доверие. Соглашаясь принять депутацию, государь желал знать заранее, о чем будут его просить.

«Я не могу допустить, — говорил он Огинскому, — чтобы вы просили о присоединении ваших областей к Польше, так как не следует подавать повода к мысли, что вы меня о том просите. Необходимо, чтобы все были убеждены в том, что я сделаю это по собственному почину, что именно я желаю этого. Мне известно, что вы не можете признать удовлетворительными отношения, существовавшие до сих пор между вашими областями и Россиею. Каждый рассудительный человек убежден в этом. Но никто не может допустить предположения, чтобы я намерен был отделить эти области от России. Вы недовольны в Литве, и ваше недовольство должно продолжаться до тех пор, пока вы не сольетесь с вашими соотечественниками и не воспользуетесь благами конституции; когда это совершится, тогда только ваше соединение с Россиею будет сопровождаться доверием и полным согласием между обеими нациями».

Из этих слов можно было заключить, что император Александр, не желая присоединять Литву к Польше, намерен был в ближайшем будущем дать конституцию России, чтобы слить воедино всех своих подданных узами родства и дружбы. Так это и было понято всеми. Выслушав адрес депутатов, прочитанный Огинским, государь отвечал им общими фразами и ничем не обнадежил. «Скажите вашим доверителям, что их благосостояние всегда составляет предмет моих попечений и забот. Уверьте их, что я не забывал о них даже среди трудов, вызванных войною, и что я всегда думаю о средствах к улучшению их судьбы и обеспечению их спокойствия и счастья».

Между тем работы комиссии под председательством графа Островского пришли к концу, и 15 ноября 1815 года император Александр утвердил конституционную хартию Королевства Польского. Теперь оставалось только назначить наместника, и князь Адам Чарторыйский, до обнародования конституции управлявший всеми делами королевства и докладывавший о них лично государю, был уверен, что займет это место. Он успел уже наполнить главнейшие административные должности своими приверженцами, и поляки стали называть Польшу не Польским, а Пулавским царством, по имени Пулав, — имения князей Чарторыйских. Испытывая на себе в молодости влияние Чарторыйского, доходившего до бесцеремонного и резкого обращения; зная честолюбивые виды его и желая сохранить за собою власть настолько, чтобы все исходило лишь от него одного, а не от кого другого, император не мог остановиться в выборе наместника на князе Чарторыйском. Государь мог ожидать, что князь поведет дела самостоятельно и, быть может, посягнет на его власть и права. Убедив брата, великого князя Константина Павловича, также отказаться от звания наместника, император Александр назначил генерала Заиончека¹⁰. Это назначение как громом поразило кн. Адама Чарторыйского и всю его фамилию. «Я видел его тогда, — говорит Михайловский-Данилевский, — в ту самую ночь, в которую была подписана конституция и был назначен Заиончек наместником. Это происходило часу во втором пополудни. Я стоял в комнате, перед кабинетом государя, с князем Волконским и с статс-секретарем Марченко, как вдруг вошел с расстроенным видом князь Чарторыйский и ходил по горнице более четверти часа, и не только не взглянул на нас во все сие время ни одного разу, но даже и не поклонился нам: он был как в исступлении, вероятно, от оскорбленного самолюбия». Князю Чарторыйскому оставлено звание члена Совета, точно так же, как и великому князю, назначенному вместе с тем и командующим польскими войсками.

Впоследствии являлось затруднение, как поместить князя Чарторыйского в Совете, всех ли выше или после графа Станислава

Потоцкого. Заиончек спрашивал о том мнения Н. Н. Новосильцова. «Я, соображая, — писал последний императору Александру, — и сравнивая все обстоятельства, к сему принадлежащие, не мог разрешить его сомнения иначе, как присоветовав ему посадить графа Потоцкого первым по правую, а князя Чарторыйского по левую руку». Подписав 19 ноября (1 декабря) указ о назначении Заиончека наместником, государь выехал из Варшавы недовольным, скучным и даже сердитым. Он окончательно порвал связь с другом детства, избегал встречи с фамилиею князей Чарторыйских и мог ожидать противодействия с их стороны. Так и было в действительности. В 1816 году Заиончек просил действительного статского советника Бороздина доложить от его имени государю, «что партия Чарторыйских походит на заговор и может иметь все последствия оною, ежели не обратят на оную внимания. Конечно, не должно сего опасаться в царствование государя, которого Польша признает своим благодетелем, но умышления Чарторыйских могут обнаружиться при наследниках его».

С отъездом императора из Варшавы поляки остались в полном неудовольствии. Они надеялись услышать из уст государя, что к царству Польскому будут присоединены Могилев, Витебск, Волынь, Подолия и Литва. Услышав противное, они по-прежнему обратились к поднятию национального духа, при помощи тайных обществ и интриг. Воспоминания о минувшей славе польской, желание видеть свое отечество в прежних пределах, а себя гражданами, не зависящими от чужого влияния, гражданами, сохранившими язык, обычай и свойства предков, были главной причиной, почему некоторые из них решились тайным образом поддерживать и распространять народный дух во всех частях бывшей Польши, с тем чтобы население было всегда готово к взаимному соединению, когда представится к тому удобный случай.

Первая мысль об учреждении тайного общества родилась еще в 1811 году. Поляки желали тогда создать тайную силу, которая, при удобном случае, могла бы даровать Польше независимое существование. Попытки эти не имели, однако же, успеха. Главный начальник польских войск, кн. Понятовский, узнав о такой мысли, объявил, что поляки, покровительствуемые императором французов, должны от него одного ожидать будущего своего благоденствия. Вскоре после возвращения польских войск из Франции, когда герцогство Варшавское было присоединено к России, два молодых офицера, Прондзинский и Колачковский, пригласив к себе 16-тилетнего Малаховского, составили общество истинных, или правдивых, поляков. Они обязались: 1) быть всегда настоящими добрыми поляками; 2) умножать общество свое новыми членами и принимать их по установленному

обряду; 3) распространять народный дух; 4) не щадить усилий к достижению цели; 5) хранить тайну.

Для принятия в общество необходимо было собрание трех членов, и совершалось впотьмах. Два члена, так называемые «свидетели невидимые», ожидали вступающего в темной комнате, в которую вводил его третий член с фонарем под особою мантиею. Кроме него, никто не должен был знать нового члена, которому предварительно указывалась неизвестность, коею покрыта судьба Польши, и необходимость твердой нравственной связи между поляками. Введенного спрашивали: кто вы? Он должен был отвечать: я поляк, следовал вторичный вопрос: вы поляк? — Да, истинный поляк. Тогда член наводил на глаза принимаемого потаенный фонарь, который скрывал под мантиею, и в новой речи объявлял ему, что он должен исполнять пять тех обязательств, которые приведены выше, и сверх того, не стараться узнавать других членов общества и никогда не говорить о них.

Наружным знаком, по которому члены узнавали друг друга, был перстень из серебра с красной эмалью, внутри одного пять точек означали число установленных правил, а снаружи три точки показывали число членов, его принявших. На перстне были вырезаны две буквы: P. P., обозначающие слова Prawdziwy Polak (истинный поляк). Обычай носить такие перстни дал повод назвать общество перстневым (Piérscionkowym). Впоследствии члены общества, число которых было не более 12 человек, показывали, что они не имели в виду ничего серьезного, хотели только шутя обманывать некоторых знакомых, и главною забавою их было заставлять заика Сабанского исполнять обязанности оратора. По показанию Малаховского, общество это рушилось с дарованием конституции Польскому королевству. Хотя существование его было весьма кратковременно, но оно указывает на общее настроение поляков, стремившихся к одной цели — самобытности Польши. Одним из главных лиц, считавших необходимым питать в народе дух патриотизма, без различия правительств, которым поляки были подвластны, был генерал Домбровский. «Конституция и отеческое правление царя нашего, — говорил он незадолго до своей кончины адъютанту своему Мицельскому, — не защитят нас от новых перемен, какие могут возникнуть в Европе, еще не получившей твердого и неизменного устройства. Покушение Наполеона с острова Эльбы возратить потерянный престол служит ясным тому доказательством. Что же было с нами, если бы победоносные орлы Наполеоновы опять явились под Вислою. Робкие, как агнцы, хотя и с львиною крепостью, мы опять принесли бы ему на жертву легионы свои взамен суетных обещаний его. Выйдем из сего унижительного состояния, откроем в Польше источник силы народной, общественное мнение. Оно не может

быть противно конституции и царю нашему, который предпочитает признательность людей, умеющих ценить его благодеяние, слепой благодарности тварей бессмысленных. Поляки от природы склонны к энтузиазму и легко могут быть обмануты; хорошие воины, не худые граждане, они заняты одним настоящим и не заботятся о будущем. Они храбры, не имея сознания о внутреннем своем достоинстве и о собственной силе. Оттого они не могли пользоваться благоприятными случаями и, забывая себя, увлекались одним энтузиазмом к своим предводителям, которые, в свою очередь, думали более о своей личной славе, нежели о благе народном. Таков был и Понятовский».

Мицельский признавался, что слова Домбровского убедили его, и он передал их некоторым из своих знакомых. Все они условились распространять их в публике без разбора, кого только признают достойными особенной доверенности, с просьбой точно так же передавать своим знакомым, преимущественно живущим в Галиции, Познани и в польских провинциях, присоединенных к России, дабы таким образом соблюсти единство патриотизма. Сохранение или возрождение национальных добродетелей и готовность жертвовать всем для отечества в случае нужды составляло обязательство польских патриотов. К ним на помощь пришло и «Варшавское общество любителей наук». В собрании своем 21 ноября (3 декабря) 1815 г. Общество постановило отправить императору Александру просьбу о принятии его под свое покровительство. Принося благоговейную признательность за попечения, которые, среди военных трудов, государь не переставал оказывать всем заведениям народного просвещения в польских областях, находящимся под властью России, общество называло его великим государем, другом и покровителем наук. Оно писало, что столь славным именем должны называть его особенно поляки за созданные им училища на Волыни и открытый Виленский университет, одаренный царскими щедротами и осыпанный милостями. Члены Общества просили распространить и на них милость и покровительство и уверяли, что отныне любовь к отечеству будет у них слита нераздельно с любовью к королю и они будут жертвовать всем единственно славе его царствования. В конце прошения было сказано, что теснейшие узы будут соединять народ польский с русским, как двух старейших братьев великого славянского племени. Общество обещало государю, что взаимное усовершенствование двух наречий единого первоначального славянского языка и успехи словесности будут новым плодом союза между двумя народами, союза, который Варшавское общество наук будет стараться сохранять и укреплять.

Получив по ходатайству князя Чарторыйского высочайшую покровительственную грамоту 15 (27) марта 1816 г., Общество по-

становило 9 (21) апреля память этого важного события соединить с воспоминанием о даровании подобной грамоты в 1808 году саксонским королем и назначить 18 (30) апреля днем торжественного ежегодного собрания, в котором выражать чувство благодарности обоим государям. В заседании же Общества 21 мая (2 июня) 1816 г. было постановлено поместить в зале торжественных заседаний портрет императора Александра против портрета короля Саксонского, но это было исполнено только в 1828 г.

Заручившись покровительством императора Александра, «Варшавское общество любителей наук» пошло смелее по пути возбуждения народного духа. Под патриотическим предлогом сохранения чувства любви к отечеству, Общество приступило к печатанию в Варшаве «Исторических песен» Немцевича, бывшего сначала членом, а потом и председателем общества. Песни эти, рассмотренные особой комиссией, были названы Обществом всеобщей учебной книгой польского народа. Общество признавало, что по этой книге родители могли легко и приятно обучать своих детей и сами обучаться. Простая и потому для всякого понятная проза, живой и мирный язык поэзии, восхищающая слух музыка, искусно подобранные по содержанию песен картинки скоро и удобно передавали полякам, а в особенности полякам, описанные Немцевичем воспоминания из отечественной истории. При всеобщем возбуждении поляков, воспоминания эти запечатлевались глубоко в умах и сердцах читателей.

Вместе с внушениями польским юношам любви к прежнему отечеству автор песен возбуждал в них мечтательный патриотизм и воспламенял воинский дух и страстную охоту подражать храбрым предкам. В этих преувеличенных похвалах соотечественникам Немцевич старался поселить презрение к прочим народам, питал к ним вражду и вызывал мщение за раздел Польши.

Немцевич не скрывал своей цели и в предисловии сближал свои песни с марсельскими во время французской революции. Он хвалил последние, приписывая им многие победы французских войск. Оживив в своих песнях воспоминания о победах польских королей и полководцев, Немцевич убеждал своих соотечественников подражать им. «Узнав, — говорит он, — сколько мы прежде были сильны и славны, пожелаем сделаться опять такими». В другом месте он говорит: «Взяв в свои руки на короткое время лиру, долго висевшую над гробом отечества, я кладу ее опять на колыбель отечества». В своих песнях Немцевич ведет пылких польских юношей с Болеславом Храбрым к Киевским воротам, с Константином Острожским — под Оршу, с Баторием на осаду Великих Лук, с Владиславом IV — под Смоленск, с Жолкевским в Москву, из которой он возвращается

с большою добычею. Поэт указывает на соединение Литвы с Польшей и изображает данником Польши князя прусского Альберта, а пленниками — Василия Ивановича Шуйского, брата его Дмитрия, митрополита Филарета и князя Василия Голицына. В замечаниях об упадке и характере польского народа Немцевич старается представить в благодетельном для народа виде польскую революцию 1794 года, потушенную последним разделом Польши. Он говорит, что под гробовым покровом, распростертым над разделенными частями Польши, всегда тлело пламя любви к отечеству, которая привела польских юношей на берега Рейна, Тибра, Нила и явила их подвиги на снежных вершинах Альпийских гор.

Председатель «Варшавского общества любителей наук» Сташиц в речи своей, произнесенной в торжественном собрании 18 (30) октября 1817 года, говорил, что в исторических песнях родители найдут способ внушить детям гражданские добродетели и воинские доблести предков и что автор своими личными подвигами совершил на деле все, что прославляет в других доблестных поляках. В своем предисловии к историческим песням Немцевич объявил, что давно хранящиеся в его портфеле басни и повести ожидают благоприятного времени для их издания, что и последовало в 1817 году, при содействии Общества любителей наук и многих польских дам. Басни и повести преследовали ту же цель и имели то же политическое значение. В басне «Крысы» слышится едкая сатира, направленная по адресу России.

В басне «Муравейник» автор представляет раздел Польши в виде развеянной тремя сильными ветрами кучи муравьев, и потом, под силою другого противного ветра (Наполеона), учреждение Варшавского герцогства. Далее следует недоумение поляков о дальнейшей своей участи и затем нечаянное появление солнца с северной стороны и радостное восстановление царства Польского. Но вскоре после веселья наступила недоверчивость и жалобы поляков на Аквилона за то, что он не собрал и половины муравьев. «Предоставим, — говорит Немцевич, — будущему времени возвратить нам то, что еще остается желать. Если кто из нас столько мудр, что нашел средства привести это дело в прежнее положение, пусть объявит свою мысль, и если она будет согласна с рассудком, то каждый благомыслящий муравей не преминет воспользоваться ею. Теперь время заняться не толкованиями, а делами: приступим к очищению развалин и постройке здания; пусть все муравьи побольше натаскают еловых стеблей и смолы. Муравейник только трудами может подняться кверху. Между тем не будем горевать: надежды наши не в мечтах о той стороне, с которой не станет уже дуть на нас ветер, но в добродетели, уме и мужестве». Песни и басни Немцевича производили громадное впечатление; поляки следовали наставлениям, в них

данным, и стали составлять тайные общества, с целью восстановления Польши. Общества эти, имеющие свою историю в будущем их действии, теперь были только в зачатке, но возвращавшиеся из заграничного похода русские войска знали о существовании этих обществ, знали о недовольстве поляков и их волнении.

<...> Заключив 18 (30) мая 1814 года мир с Францией, император Александр I в тот же день подписал в Париже манифест, в котором между прочим говорил: «Тысяча восемьсот двенадцатый год, тяжкий ранами, принятыми в грудь отечества нашего, для низложения коварных замыслов властолюбивого врага, вознес Россию на верх славы, явил перед лицом вселенной в величии ее, положил основание свободы народов...

Российское дворянство, сильная подпора престола, на коей всегда возлежало величие его; служители алтарей всеильного Бога, — их благочестием утверждаемся на пути веры; знаменитое заслугами купечество и граждане не щадили никаких пожертвований. Кроткий поселянин, не знакомый дотоле со звуком оружия — оружием защищал веру, отечество и государя. — Жизнь казалась ему малою жертвою. Чувство рабства незнаемо сердцу россиянина. Никогда не преклонял он главы перед властью чуждою».

Манифест этот произвел в разоренной Москве огромное впечатление и возбудил всеобщие надежды. Вся Москва без распоряжения начальства была несколько дней иллюминирована и украшена эмблематическими прозрачными картинами. У Калужских ворот, в доме Полторацкого, уцелевшего от пожара, дворянство устроило праздник. А. М. Пушкин сочинил «Пролог»; княгиня Вяземская с дамами и девицами исполняли его. Бюст императора был поставлен на пьедестале, охраняемом и увенчанном гениями; к нему и обращался хор. На пьедестале красовалась надпись, сочиненная князем П. А. Вяземским:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель!
Какой венец ему? Какой алтарь?
Вселенная! пади пред ним: он твой спаситель;
Россия, им гордись: он сын твой, он твой царь!

За «Прологом» был сожжен фейерверк, а потом начался бал, продолжавшийся до пяти часов утра. Для народа были устроены амфитеатры с фокусниками и разными представлениями. Отказавшись от титула Благословенного, от постановки ему при жизни памятника и выбития в честь его медали, император Александр 12 (24) июля прибыл в Павловск, запретив предварительно всякие парадные ему встречи. «Ненавидя оные всегда, — писал он петербургскому

главнокомандующему С. К. Вязмитинову, — почитаю их еще менее приличными ныне. Един Всевышний причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед Ним все должны мы смиряться. Объявите повсюду мою непрременную волю, дабы никаких встреч и приемов для меня не делали. Пошлите повеление губернаторам, дабы ни один не отлучался от своего места для сего предмета. На вашу ответственность возлагаю точное исполнение сего повеления». Получив такое повеление, Вязмитинов приказал разобрать все сооружения для иллюминации.

13 (25) июля император Александр прибыл из Царского Села в Петербург. «Наконец, мы дождались прибытия государя императора, — писал В. М. Попов¹¹ Д. П. Руничу, — хотя, впрочем, его величество прибыл и скорее, нежели все мы полагали, и совсем не тем трактом, как думали и где приготовились его везти. Врожденное ему смирение, умножаясь в нем по мере его усугубляющего величия, не допустило принять ни единой из тех почестей, какие преданный ему душою, благодарный и восхищенный народ его готовил толь усердно. Прибывшие сюда из разных губерний депутаты, для встречи и умножения почестей, были только простыми свидетелями того скромного появления в своей столице монарха, прославляемого во всей Европе, с каковым угодно было ему сюда въехать.

Прибыв 12-го числа в 11-м часу вечера в Павловск, и после свидания с государынею императрицею, какового никто не мог описать, государь изволил ночевать или, лучше сказать, отдохнуть несколько часов в Царском Селе, а потом по утра, в седьмом часу, прохожие по Невскому проспекту увидели внезапно коляску в четыре лошади, едущую и поворачивающуюся к Казанской церкви, без всякой свиты; один только казак ехал впереди, как обыкновенно бывает с приезжающими из армии. В соборе еще не было священника, потому что было рано и никто не знал. Отслушав молебен, государь изволил поехать к себе, и тогда уже народ, мало-помалу собравшийся, последовал за коляскою, восклицая “Ура!”». Император отправился в Каменноостровский дворец, и на следующий день было совершено торжественное молебствие в Казанском соборе.

Первым распоряжением Александра, по возвращении его в Петербург, было повеление Комитету министров оставаться впредь до указа на том основании, «на каком он во время отсутствия моего находился». Вслед за тем 31 августа Комитет министров был уполномочен приводить в исполнение свои положения до воследования высочайшего утверждения, и таким образом стал во главе управления империей. В короткий промежуток пребывания государя в столице последовали многие перемены: 1 августа государственный канцлер

граф Румянцев уволен от дел, и 10 августа было повелено статс-секретарю тайному советнику графу Нессельроде продолжать докладывать по всем делам иностранного департамента, а управление коллегией иностранных дел поручено тайному советнику Вейдемейеру.

Наступило 30 августа — день тезоименитства императора Александра, ознаменованное многими милостями и обещаниями. Фельдмаршал граф Н. И. Салтыков возведен в княжеское достоинство с присвоением титула светлости и назначением ему офицерского караула. Графу Аракчееву пожалован был портрет при особом рескрипте; князь Лопухин возведен в первый класс, граф А. Н. Толстой, спутник государя во всех его путешествиях, получил алмазный перстень с портретом и 50 000 руб.; главнокомандующий в Петербурге С. К. Вязмитинов награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Граф Ростопчин уволен от звания главнокомандующего в Москве, и его место занял генерал Торماسов. Вместо уволенного министра юстиции И. И. Дмитриева назначен Д. П. Троцинский, и наконец, государственный секретарь А. С. Шишков уволен от этого звания и назначен членом Государственного Совета. Перед увольнением император Александр поручил А. С. Шишкову написать манифест, который положено было объявить 30 августа.

«При написании сего манифеста, — говорит Шишков в своих записках, — неоднократно читал я оный государю, и всегда в присутствии графа Аракчеева, чего при прежних чтениях написанных мною бумаг никогда не бывало. При первом чтении государь с некоторою суровостью спросил у меня: для чего дворянство я поставил выше воинства? (ибо так сперва у меня было). Я отвечал, что дворянство есть первое государственное сословие, снабжающее войско из среды себя полководцами, военачальниками, ратниками, и словом, всеми потребными силами; а потому яко целое долженствует преимуществовать перед частью самого себя. — “Вот, — сказал мне с насмешкой государь, — стану я равнять такого-то с таким-то!” (он назвал здесь два лица по именам). На это отвечал я: — “Государь! сравнение двух частных лиц не дает справедливого заключения о двух сословиях, происходящих одно от другого”. — Я хотел продолжать еще далее мои доводы, но государь, не слушая меня, повелительным голосом приказал мне статью о воинстве поставить выше статьи о дворянстве, и я, первый раз увидя его гневного, принужден был замолчать.

На другой день, переписав бумагу, принес я к нему оную для подписания. Прочитал еще раз. Он взял перо; но вдруг остановился, оттолкнул от себя бумагу и сказал: “Я не могу подписать того, что противно моей совести, и с чем я ни мало не согласен”. Я с удивлением взглянул на него и, увидя, что он от досады весь покраснел, сказал

ему с твердостью: “Государь! вы нигде при чтениях моих не изволили сделать замечания вашего, и потому я не знаю, какое место или слово мое противно мнению и воле вашего величества”. Он указал мне на статью о помещиках и крестьянах, где о существующей между ними связи сказано: “на обоюдной пользе основанная”. Выражение сие находил он с мнением своим несогласным и несправедливым. Я хотел объяснить ему, что всякая связь между людьми, из коих одни повелевают, а другие повинуются, на сем токмо основании нравственна и благотворна; что самая вера и закон предписывают сие правило и что помещики, не наблюдающие оногo, лишаются власти управлять своими подчиненными; но он не допустил меня ни до каких объяснений, вычернил одно только сие выражение, оставя все прочее, то ж самое подтверждающее, и отдал мне назад бумагу для переписания. По выходе моем от него, не мог я удержаться, чтобы графу Аракчееву, наблюдавшему во все сии споры глубокое молчание, не сказать: “Я думаю, ваше сиятельство находите меня правым, и если бы государю угодно (бы) было выслушать меня без гнева, то я уверен, что и он согласился бы со мною”. На это граф ни слова не отвечал мне, и мы расстались без всяких других объяснений».

Быть может, графу Аракчееву было уже известно, что А. С. Шишков в качестве государственного секретаря был более не нужен императору Александру. В исправленном и объявленном 30 августа 1814 года манифесте государь говорил, что долговременное отсутствие из отечества тяготило его и единственным утешением была уверенность, что отсутствие это необходимо для чести и безопасности России и для спокойствия всей Европы. «Никогда не чувствовали мы толико великого блаженства, как при вступлении в пределы благословенной области нашей, куда несли мы сердце, исполненное любовью к достойному оной народу нашему и где встречены были всеобщим усердием и радостью».

В ознаменование тех взаимных чувствований, «на любви, благодарности и благополучии основанных, которые мы здесь вкушаем,— говорил император,— и в сохранение памяти беспримерного единодушия и ревности, увенчанных от руки Всевышнего столь знаменитыми происшествиями»,— Александр прежде всего пожелал воздать благодарение Богу и с этой целью постановил: День Рождества Христова, 25 декабря, в воспоминание избавления России от нашествия неприятеля, признать днем благодарственного празднества. По окончании обычной совершаемой в сей день службы приносить особое благодарное молебствие с коленопреклонением, при чтении установленной на этот случай молитвы; во весь день быть колокольному звону.

Затем в ознаменование заслуг всех сословий государства были пожалованы: духовенству особо учрежденный крест для ношения

на груди с надписью «1812 год»; воинству — особая медаль, с обозначением на ней года и числа вступления в Париж. При этом император Александр заявлял всенародно, что своими подвигами русское воинство «не токмо отечество свое, но и всю Европу спасло и удивило, да вкусит сладкую награду в душе и совести своей. Всякое иное возмездие не сравнится с делами его и доблестию». Тем не менее государь надеялся, «что продолжение мира и тишины подаст способ не токмо содержание воинов привести в лучшее и обильнейшее прежнего, но даже дать им оседлость и присоединить к ним их семейства».

Обращаясь к дворянству, император Александр писал: «Благородное дворянство наше, верная и крепкая ограда престола, ум и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничем не нарушимую преданность и любовь к царю и отечеству, наипаче же ныне изъяснившее беспримерную ревность щедрым пожертвованием не токмо имущества, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на Владимирской ленте медалию, с тем самым изображением, каковое находится уже на медали, учрежденной на 1812 год». Эту медаль имели право носить отцы и старейшины семейств, а по смерти их она должна сохраняться у потомков как знак оказанных предками их в 1812 году «незабвенных» заслуг отечеству.

Зная, что дворянство в бывшую войну сильно пострадало и понесло огромные убытки, Александр выражал уверенность, что «истинная и неувядаемая слава исцелит раны его, утешит в скорби, умножит еще более должную и справедливую гордость быть россиянином и увеличит заботу и попечение его о благосостоянии вверенных ему Богом и законами достойных любви его домочадцев. Воздержанность же от роскоши — матери пороков, и хозяйственное домостроительство, источник изобилия, спокойствия и чистоты нравов, вознаградят сторицею все претерпенные расстройств и убытки».

Купечеству объявлены благоволение и благодарность и обещано тех их них, которые оказали особо важные заслуги, наградить особою бронзовою медалью, на ленте ордена Св. Анны.

«Почтенное мещанство и крестьяне, которые трудолюбием своим извлекают из земли первоначальную для всех пищу, из среды коих исходит воин на защиту отечества и которые в самое грозное время самолюбейшей войны показали дух православия, верности и мужества, едва ли когда имевшей пример в бытописаниях... да получают мзду свою от Бога». Впрочем, император обещал в течение 1814 года, а может быть, нескольких лет, не производить рекрутского набора. «Между тем мы предполагаем и ожидаем несомненно, что они в наставшее после жестокой брани мирное и спокойное время, пребывая верны

долгу и званию своему, умножат прилежание свое к сельским трудам и ремесленным промыслам и тем исправят нанесенные неприятелем разорения. Господи! молю Тя, да сбудутся с ними слова пророка Твоего Давида: Бразды Твоя да упоются, и жита Твоя умножатся; поля Твоя исполнятся тука, овцы будут многоплодны и волове Твои толсти; удолия умножат пшеницу, пустыни возвеселятся и холмы радостью препояшутся. Тако да взыщут их милость Твоя».

«Со стороны же человеческого попечения» правительство обещало позаботиться о казенных крестьянах, а относительно помещичьих император Александр выражал уверенность, что забота его о их благосостоянии предупредится попечением о них господ их. «Существующая издавна между ними, русским нравам и добродетелям свойственная связь, прежде и ныне многими опытами взаимного их друг другу усердия и общей к отечеству любви ознаменованная, не оставляет в нас ни малого сомнения, что с одной стороны помещики отеческою о них, яко о чадах своих, заботою; а с другой — они, яко усердные домочадцы, исполнением сыновних обязанностей и долга приведут себя в то счастливое состояние, в каком процветают добронравные и благополучные семейства».

В конце манифеста были объявлены льготы и милости, состоявшие в прощении недоимок и казенных взысканий, равно об освобождении обывателей некоторых разоренных губерний от платежа податей и повинностей. Для облегчения народа от подушного сбора повелено произвести по всей империи народную перепись, чтобы не заставлять платить за умерших. В указе министру юстиции было пояснено, что всем беглым, как военного, так и гражданского звания, кто из-за границы явится, предоставляется полная воля избрать себе род жизни, вступить в военную службу, возвращаться на прежние жилища, записываться по городам или селиться на назначенных для того местах. Помещичьих крестьян, которые по сему дозволению вступят в службу или припишутся в казенное ведомство, предписано зачитать владельцам за рекрут при будущих наборах. Те же беглые, которые не были за границей, а проживали внутри государства, получая прощение «в винах, ими содеянных, должны быть обращены в то состояние, к которому принадлежали».

